

Начнет ли Россия геополитическое наступление в Прибалтике?

Михаил Александров

В начале этого года произошло два события, которые кардинальным образом изменили международную ситуацию вокруг Прибалтики.

Первым по очередности (18 февраля) явился референдум в Латвии, на котором четверть граждан этой страны проголосовало за придание русскому языку статуса государственного. Референдум явился важнейшим политическим событием в жизни Латвии за последние 8 лет, т.е. с того момента, как она стала членом НАТО и Евросоюза. Для большинства политиков, общественных деятелей и политологов как в Латвии, так и за рубежом это явилось большой неожиданностью. И хотя сторонники русского языка формально проиграли, референдум получил такой мощный международный резонанс, что отмахнуться от проблемы дискриминации русского меньшинства властям Латвии уже не удастся.

Затем в России состоялись президентские выборы, на которых убедительную победу одержал Владимир Путин.

В своей предвыборной статье по внешней политике он заявил: «Мы будем самым решительным образом добиваться выполнения властями Латвии и Эстонии многочисленных рекомендаций авторитетных международных

АЛЕКСАНДРОВ Михаил Владимирович – доктор политических наук, заведующий отделом Прибалтики института стран СНГ. E-mail: ellab@list.ru

Ключевые слова: Латвия, Эстония, Россия, Прибалтика, неграждане, межнациональные отношения, русский язык, Евросоюз, НАТО, референдум.

организаций относительно соблюдения общепризнанных прав национальных меньшинств.

С существованием позорного статуса «неграждан» мириться нельзя.

Да и как можно мириться с тем, что каждый шестой латвийский житель и каждый тринадцатый житель Эстонии как «неграждане» лишены основополагающих политических, избирательных и социально-экономических прав, возможности свободно использовать русский язык».

Таким образом, Путин обозначил проблему дискриминации русского меньшинства в странах Прибалтики как один из приоритетов российской внешнеполитической стратегии.

Естественно, встает вопрос, а в чем должно состоять существование новой российской стратегии в Прибалтике.

До последнего времени подход Москвы к этому региону был весьма противоречивым.

Такая ситуация во многом объясняется двусмысленным положением стран Прибалтики, которые, с одной стороны, являются частью постсоветского пространства, а с другой – уже интегрированы в евроатлантические структуры. И если в отношении стран СНГ стратегия сейчас более-менее сформулирована, то про Прибалтику этого сказать нельзя.

Если говорить о СНГ, то сейчас взят курс на реинтеграцию постсоветского пространства в различных формах в зависимости от конкретной страны. Возможно, с одними странами будет более тесная реинтеграция, вплоть до создания Евразийского союза. С другими, возможно, будут более мягкие формы интеграции, предусматривающие укрепление уже существующих структур – ОДКБ, ЕврАзЭС и т.п. А вот в отношении стран Прибалтики определенности пока нет.

Москва оказалась перед дилеммой: рассматривать ли Прибалтику как уже отрезанный ломоть, который

навсегда перешел в чужую сферу влияния, или все же относиться к этому региону как ко временно утраченной части постсоветского пространства, возвращение которой желательно и необходимо?

До последнего времени преобладала первая точка зрения. Считалось, что поскольку страны Прибалтики вступили в Евросоюз и НАТО, то вопрос закрыт. Этим, в частности, объяснялись многие противоречивые действия в отношении Прибалтики, когда, например, российские власти пытались сдерживать протестную активность организаций соотечественников.

Этим же подходом объяснялась и малоактивная позиция, которую заняли российские власти в связи с референдумом о русском языке в Латвии.

Сейчас России пора определить, как относиться к Прибалтике. При этом следует учитывать не только геополитические и экономические интересы, которые более или менее очевидны.

Важны также соображения смыслов и традиции. Русские цари в течение веков боролись за контроль над этим регионом, а Горбачев с Ельциным в одночасье отдали его геополитическим конкурентам России.

Не менее важен регион Прибалтики и с точки зрения этнического единства русской нации, оказавшейся расчлененной в ходе геополитической катастрофы 90-х годов прошлого века.

В Латвии и Эстонии проживают относительно большие русские общины, которые не пожелали ассимилироваться и сохраняют устойчивые связи с русским миром. Это важнейший резерв возрождения русского этнического сознания, растерзанного большевистской революцией и либерально-монетаристскими реформами периода ельцинизма.

Если будет выбран курс на реинтеграцию Прибалтики в постсоветское пространство, то не следует особо опасаться противодействия НАТО и Евросоюза.

Следует исходить из общеизвестной исторической аксиомы: в мире никогда не бывало и не будет вечных союзов и коалиций.

Все такие образования рано или поздно распались или переформатировались.

Поэтому полурелигиозный трепет перед НАТО и Евросоюзом давно пора сдать в утиль. Эти структуры столь же преходящи, как и их предшественники. И те кризисные явления, которые происходят сейчас в мировой экономике, в значительной степени подтверждают эту точку зрения.

Если мы принимаем как основную цель восстановление российского влияния в данном регионе, то **надо определить** основное направление приложения сил. **Надо найти** ту точку бифуркации, воздействие на которую приведет к резкому изменению

всей политической реальности в Прибалтике.

Наиболее перспективной страной с этой точки зрения является Латвия. Именно там наметился узел самых разнообразных противоречий: экономических, политических, этнических. С другой стороны, исторически Латвия наиболее близка России в культурном отношении. К тому же там проживает наиболее крупная в Прибалтике русская община.

Референдум о статусе русского языка в Латвии показал силу духа русской общины. Это событие стало мощнейшей акцией протеста русского меньшинства против дискриминационной национальной политики властей Латвии.

Хотя государственный статус русского языка не получил поддержки, так как против этого проголосовало 821 722 (74,8%) граждан, принявших участие в голосовании, это никак нельзя считать поражением. Ведь все и так понимали, что победить на этом референдуме невозможно чисто арифметически, так как латыши эту инициативу не поддержат, а их – явное большинство. Но при этом русская община выступила как никогда сплоченно.

За русский язык проголосовало 273 347 (24,88%), т.е. тот максимум, который вообще можно было набрать среди русских и русскоязычных жителей республики, имеющих право голоса.

Это означает, что все они выразили недоверие нынешнему латвийскому государству, построенному на принципе приоритета титульной нации.

Таким образом, итоги референдума продемонстрировали наличие в

Латвии первой стадии межнационального конфликта между латышским большинством и русским меньшинством.

Обе стороны заняли прямо противоположные позиции по важнейшему вопросу не только политической, но и общественной жизни – вопросу о языке. Причем и латыши, и русские выступили сплоченно как этнические общности.

И если факт существования латышей как сформировавшейся этнической общности был и так для всех очевиден, то действия русского меньшинства показали, что оно тоже превратилось в Латвии в устойчивую этническую общность, способную не только артикулировать свои интересы, но и консолидированно отстаивать их в политическом поле.

Латыши, выступив сплоченно против русского языка, послали русской общине недвусмысленный сигнал, что именно они, как этническое большинство, будут и дальше устанавливать в Латвии те порядки, какие считают нужными. Претензии русских на равноправное представительство в общественной и политической жизни страны были отвергнуты.

Таким образом, референдум выявил антагонистическое противоречие интересов между двумя общинами.

Драматизм ситуации состоит в том, что данное противоречие не может быть разрешено в рамках нормального демократического процесса, так как формальное латышское большинство, голосующее по этническому признаку, не позволяет этого сделать. А латышская элита, вместо того чтобы повлиять на это боль-

шинство, сориентировать его на компромисс с русскими, напротив, заняла непримиримую позицию.

Таким образом, создалась ситуация, типичная для межнационального конфликта, когда меньшинство осознало, что добиться своих целей конституционными методами невозможно, а большинство не желает идти даже на незначительные уступки. И эта ситуация будет неумолимо подталкивать русское меньшинство к выходу за конституционные рамки политической борьбы.

В значительной степени конфронтационная позиция латышского большинства стала результатом многолетней пропаганды со стороны властей, представляющих русских как «оккупантов», незаконно находящихся на территории Латвии.

На самом деле этот тезис является грубым вымыслом.

В настоящее время латыши составляют 62,1% населения Латвии, т.е. столько же, сколько проживало на этой территории латышей в 1914 г., перед началом Первой мировой войны. В ходе двух мировых войн и связанных с ними событий на территории Латвии были фактически полностью уничтожены две национальные общины – немецкая и еврейская, а число русских жителей республики существенно сократилось. Последующая миграция в Латвию представителей различных национальностей СССР просто восстановила справедливый этнический баланс, который исторически сложился в Латвии в начале XX в.

В настоящее время каждая из сторон – русские и латыши – находится

в стадии осмысления нового состояния латвийского общества. Идет оценка соотношения сил как внутри Латвии, так и вокруг нее, происходит прикидка различных вариантов дальнейших действий в зависимости от поведения противоположной стороны.

Именно поэтому межэтнический конфликт находится пока на первичной стадии, когда еще есть возможности предотвратить его развитие по сценарию силовой конфронтации.

Еще не достигнута высокая степень взаимного ожесточения, когда основой противостояния становятся уже не политические, а личные мотивы (например, потеря жилища или бизнеса, убитые, покалеченные или репрессивные родственники и друзья).

Еще не сложились группы интересов, заинтересованные в силовом варианте развития конфликта, такие как политические организации, лидеры и активисты, выдвинувшиеся на уличных акциях протеста, боевые подпольные группы, получающие финансирование из различных источников, ну и, естественно, государственные организации и чиновники, ответственные за пресечение такого рода деятельности.

Еще не втянуты в конфликт соответствующие структуры внешних игроков.

Как долго будет протекать эта первоначальная стадия межэтнического конфликта и когда начнется его переход в новую стадию, сказать пока сложно.

Все это будет зависеть от множества факторов как внутренних, так и внешних.

Большое значение будет иметь развитие мирового экономического кризиса и его влияние на Латвию. Но главную роль, конечно, будут играть внутренние факторы, и прежде всего позиция властей Латвии по национальному вопросу. Ведь инициатива сейчас именно за правительством. Ему послан определенный сигнал, и оно должно найти адекватные ответы на этот вызов. И здесь крайне важна правильная интерпретация результатов референдума и новой политической ситуации, сложившейся после него. Сейчас нет уверенности, что власти Латвии до конца поняли то, что произошло.

Прежде всего правительству Латвии не следует обольщаться формальными цифрами на референдуме.

Тот факт, что за русский язык проголосовала лишь четверть избирателей, вовсе не значит, что в назревающем межэтническом конфликте соотношение сил будет таким же. Ведь в Латвии проживает еще 300 тыс. так называемых «неграждан», в основном этнических русских. То, что они настроены еще более радикально, чем граждане, не вызывает сомнения, из-за того, что их права ущемлены в гораздо большей степени.

В определенном смысле русских и русскоязычных представителей других национальностей и меньшинств-то назвать нельзя, так как в совокупности они составляют около 40% жителей Латвии. И заставить их замолчать, опираясь на незначительное формальное большинство, просто нереально.

Но и это еще не все.

Следует учитывать неравномерное распределение русского населения по территории Латвии. Итоги голосования показали, что русские имеют преобладание в двух стратегически важных регионах.

Первый из них – *Латгалия*, где за русский язык проголосовало 55,57% избирателей.

При этом в Даугавпилсе «за» проголосовало 85,18%, в Резекне – 60,29%, в Лудзе – 59,69%, а в приграничном Зилупе – 90,25%.

Если же добавить к голосовавшим «за» неграждан (предположив, что соотношение русских граждан и неграждан примерно одинаково), то за русский язык в Латгалии проголосовал бы 71% жителей.

Таким образом, русская община имеет в этом регионе явное численное превосходство. А стратегическая важность этого региона состоит в том, что он граничит с Россией и Белоруссией. И это делает его отделение от Латвии практически возможным.

Вторым местом, где русский язык получил значительное количество голосов, стала *столица Латвии*.

В Риге за русский язык проголосовало 119 621 (37,98%), против – 193 976 (61,59%).

Но если добавить к тем, кто голосовал «за» неграждан (опять исходя из соотношения один к одному), то получится, что «за» проголосовало бы 55,22% рижан.

Таким образом, и в Риге русские имеют преобладающие позиции. Думаю, что важность контроля над столицей при любом межнациональном конфликте объяснять не нужно. Это и так понятно. Причем и в первом, и во втором случае Россия может ока-

зать действиям русской общины реальную помощь.

В этой ситуации, учитывая опасность дальнейшего развития межэтнического конфликта, правительству Латвии было бы разумно сгладить существующие противоречия с русской общиной.

Но пока реакция властей на результаты референдума не внушает оптимизма. Отдельные здравые оценки тонут в многоголосье победного торжества. А премьер-министр Домбровскис в своем блоге даже написал, что «маргиналы, которые этим референдумом хотели внести раскол в общество, потерпели поражение». И это при том, что практически все русские граждане проголосовали за русский язык. То есть получилось, что «маргиналы», это те, кто выражает мнение практически всех русских жителей Латвии.

Одновременно власти прибегли к тактике забалтывания темы межобщинного диалога. Постоянно упоминая о необходимости такого диалога, они на практике предлагают меры, либо не имеющие никакого практического смысла для русских жителей республики, либо еще больше ущемляющие их права.

Таким образом, референдум по статусу русского языка показал, что возможности для реализации интересов русской общины Латвии в рамках нормального политического процесса исчерпаны. Ну а интересы эти понятны:

- русские хотят быть в Латвии равноправными гражданами;
- они хотят иметь политическое представительство, участие в управлении государством, свободно развивать свой язык и культуру и не быть

дискриминированными в экономической сфере.

Сейчас уже очевидно, что даже натурализация не помогает русским полностью реализовать свои гражданские и политические права.

Как показал опыт партии «Центр согласия» после последних выборов, наличие гражданства и формальной лояльности латвийскому государству вовсе не гарантирует допущения русских к государственному управлению. А на референдумах любые значимые инициативы русской общины будут блокироваться латышским большинством.

Противостояние приобрело чисто этнический характер.

К тому же это противостояние искусственно подпитывается нашими геополитическими противниками из-за рубежа. И поскольку такое антирусское влияние из-за рубежа имеет место, то Россия, в свою очередь, обязана оказать соответствующую поддержку русской общине. И если сами русские Латвии готовы бороться за свои цели не только парламентскими методами, то и Россия должна помочь им самыми разнообразными средствами.

Но пока какой-либо существенной поддержки со стороны России нет. Видимо, это объяснялось нежеланием сориться с Западом, нежеланием, чтобы была какая-то дестабилизация в этом регионе. Но Россия не может во всех вопросах идти на поводу у Запада. У нее есть свои коренные интересы, которые она вправе отстаивать, даже несмотря на некоторые внешнеполитические неудобства и экономические потери.

Поэтому было бы вполне логично, если бы Россия взяла курс на «смену режима» в Латвии, т.е. на такое изменение политической системы, чтобы там была исключена какая-либо дискриминация русского меньшинства с точки зрения доступа к рычагам государственного управления. А это со временем привело бы к изменению внешнеполитического вектора Латвии. К власти в Латвии пришла бы коалиция, включающая представителей русской общины и латышских политиков, разочарованных прозападной ориентацией своей страны.

По мере того как влияние Запада будет ослабевать, возможностей экономически поддерживать Латвию у него будет все меньше. В этих условиях будет усиливаться протестная активность, в том числе уличная. Организатором и координатором этой протестной активности вполне могли бы выступить русские организации.

В Латвии существует инфраструктура русских организаций, которые способны возглавить общественный протест. А Россия могла бы оказывать им разнообразную поддержку, используя отработанную на Западе методику взаимодействия с неправительственными организациями страны пребывания.

Необходимо также использовать региональные различия в Латвии.

Территориально Латвия структурирована так, что есть регионы с преобладанием русского населения (Латгалия и Рига). Это – ключевые точки, где реально возможно организовать очень серьезное давление на власти страны.

Теоретически можно предположить избрание в Латгалии народного парламента, который поставил бы вопрос об автономии этой территории.

А в Риге логично было бы выдвинуть требование расширения само-

управления, бюджетной самостоятельности, добиваться принятия постановлений, упраздняющих этническую дискриминацию русских и способствующих повышению сплоченности русской общины.

Сочетание уличных протестов, акций гражданского неповиновения, требований автономии для Латгалии и дипломатического давления Москвы, возможно, вынудит латвийские власти пойти на серьезные переговоры с русской общиной о реформе политической системы.

Если же этого не произойдет, то ситуация в Латвии продолжит развиваться по пути эскалации межэтнического конфликта вплоть до его перехода в силовую фазу.

В этом случае Россия должна быть готова вмешаться в ситуацию по сценарию конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г.